

УДК 94(470),,19/20":2

КАТЕГОРИЯ «ДУХОВНЫХ» В СИСТЕМЕ ЦЕРКОВНОГО ПРИХОДА РОССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Ю. А. Жарков

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15
etiqlhistory@bmail.ru

Рассматривается история духовного сословия второй половины XIX в., которая ознаменовалась процессами распада данного сословия как целостного сословного организма, что было связано с великими буржуазными реформами и отменой крепостного права в России. Ставится вопрос о существовании категории духовных лиц в условиях российской модернизации конца XIX – начала XX в. И доказывается, что данная категория лиц вместе с духовенством в процессе модернизации трансформировалась из сословия в профессиональную касту.

Ключевые слова: церковь, церковный приход, духовенство, духовное сословие, родственники духовенства, семинаристы, дети духовенства.

Вторая половина XIX в. принесла почти полное освобождение всем существовавшим в то время сословиям Российской империи. В результате буржуазных реформ 60-70-х гг. XIX в. выходцы из духовного сословия получили возможность выбирать любое занятие и, что самое главное, вступать в брак с представителями других сословий. Право выхода из духовного сословия было предоставлено всем священнослужителям вплоть до монашествующих лиц. Но возникает вопрос: как скоро сословие духовенства смогло превратиться в профессию? Ведь еще в первой половине XIX в. «любой русский легко обнаруживал в человеке духовное лицо по речи, манерам внешности, даже если оно было в гражданском платье или полностью раздетым» [Миронов, 2003]. Можно предположить, что в рассматриваемый нами период профессиональный характер деятельности духовного сословия принимало не только в части священнослужения, но и в части профессиональной деятельности в приходах родственников священнослужителей.

В отечественной историографии духовное сословие России получило различные оценки, от критического отношения в дореволюционной историографии (И. С. Беллюстин, П. В. Знаменский, Д. И. Ростиславов) до уничижительного в советской (Е. Ф. Грекулов, П. Н. Зырянов, Н. М. Никольский). В частности, в советской историографии церковный приход воспринимался как один из институтов, созданных с целью эксплуатации со стороны господствующих классов низших сословий. В постсоветской историографии исследование истории духовного сословия получило некоторую идеалистическую окраску (А. В. Буганов, С. В. Кузнецов, Г. Н. Мелехова, Дамаскин Орловский). Духовное сословие в ряде работ было представлено культурно-нравственным лидером в мире низших сословий России. Вместе с тем предпринимались попытки более непредвзятого отношения к началу осмысления феномена духовенства в России в рамках социальной истории (напр. Б. Н. Миронов). Большое значение имеют исследования Б. Н. Миронова, который рассматривает эволюцию духовенства в пореформенный период как движение от сословия к профессии. Большинство современных исследователей концентрирует внимание либо на собственно носителях священного сана, либо на гендерных аспектах (напр. Колесникова В. Л.), связанных с историей данного сословия. В исследованиях мало затрагивается тема о характере процессов распада духовного сословия и особенностях адаптации членов семей духовенства к условиям российской модернизации второй половины XIX — начала XX в.

Внутри духовного сословия всегда было живо представление о превосходстве священнического служения над другими формами человеческой деятельности. Православная церковь учила, что положение священнослужителя в духовно-нравственном отношении есть самое высокое из всех, какое может быть на земле. Сравняться с положением священника, по всей видимости, мог только православный монарх. И в первом утверждении церковь опиралась на слова св. Иоанна Златоуста. Этот святой в своих духовных трудах отмечал следующее: «Священнослужение совершается на земле, но по чиноположению небесному; и весьма справедливо; потому что ни человек, ни ангел, ни архангел, и ни другая какая-либо сотворенная сила, но сам Утешитель учредил это чино-

последование, и людей, еще облеченных плотью, соделал представителями ангельского служения»¹.

Сословие служителей церкви по своему духовно-мистическому статусу в условиях повседневной жизни традиционного общества ставилось на достаточно высокую ступень и занимало особую сакральную нишу в этом обществе, в которую были поставлены Бог, ангелы, святые и т. п. К носителям церковного сана примыкали члены их семей, связанные родственными отношениями с духовенством. Родственники священнослужителей представляли собой слой активных прихожан церкви и сотрудников духовенства. Это были члены семей духовенства: жены, дети, братья и сестры священнослужителей. На наш взгляд, очень сомнительно было бы утверждать, что процесс разрушения духовного сословия как целостного организма в пореформенное время и в особенности в начале XX в. неминуемо привел к исчезновению категории духовных как таковой.

Рассмотрим категорию священнических жен, так как известно, что в православной церкви священнослужителям разрешалось вступать в законный брак. Жены священников именовались обычно «матушками». На церковном приходе матушка была не менее значимой фигурой в сравнении со священником.

В условиях развития народного образования сельские матушки могли взять на себя преподавание в церковно-приходской школе. В 1885 г. в селе Ново-Усольском была открыта церковная школа стараниями священника местной Спасо-Преображенской церкви Николая Никулина и его жены. В начале открытия школы предполагалось, что она будет помещаться «в нижнем этаже церковного дома»², в котором квартировал священник Никулин. Школа была открыта 18 ноября 1885 г. и с этого времени в ней начались регулярные занятия. С самого начала преподавание в школе Закона Божия, церковно-славянского языка и церковного пения взял на себя священник Никулин, а остальные предметы были поручены его жене Афанасии Васильевне, которая оставалась в должности учительницы до октября 1886 г., когда она вынуждена была оставить школу «вследствие болезни»³.

Священнические жены оказывали своим мужьям помощь в миссионерской деятельности. На рубеже XIX–XX в. в Вятских епархиальных ведомостях были напечатаны отрывки из воспоминаний неизвестной жены священника. Этот материал был перепечатан в 1900 г. в Пермских епархиальных ведомостях. Сельская матушка вспоминала: «Лет 20 тому назад приехали мы в село Пол. М. уезда. Моего мужа только что поставили во священника. До того мы служили с ним 4 года в одной школе; он был учителем и законоучителем, а я его помощницей. В Пол. приходе прихожане оказались почти сплошь зараженными расколом...»⁴. Священник проводил беседы со старообрядцами. В этих беседах ему помогала жена. В одной деревне священник оставил матушку с такими словами: «Я очень желал бы побеседовать с вами, но мое присутствие более необходимо в С., поэтому я вместо себя оставлю матушку – она почитает вам что-нибудь божественное»⁵. Матушка стала ездить в эту деревню, отвечала на вопросы, вскоре ее начали приглашать из других деревень, говоря: «Что же ты, батюшка, не отпустишь к нам матушку? Мы тоже желали бы ее послушать»⁶. Можно предположить, что на миссионерских беседах могли присутствовать женщины, которые желали общения именно с женой священника, а не с ним самим.

Общение с прихожанами со стороны супруги священника помогало в решении ряда вопросов по материальному обеспечению духовенства. Один священник вспоминал по поводу «петровского» сбора: «...В торбе вашей ни одним яйцом (сбор «петровского»: яйца и масло) не будет более, если вы не попросите прибавки к подаению»⁷. Но у священников всегда было упование на женщин, потому как говорилось: «Сама себя раба бьет, когда нечисто жнет»⁸. После осеннего сбора, совершенного молодым священником его матушка слышала о некачественно проведенном сборе, а именно: «Другая же женщина в глаза смеялась матушке «ну и батюшка твой! Восето (в недавнее прошедшее время) он «осенновал»; я наготовила «десяток» (примерно-фунту) бассенькаго (хорошаго) ленку, а он и не спросил!...»⁹. Следовательно, матушка на приходе могла знать многие секреты приходской жизни и страховать священнослужителя от совершения разного рода ошибок, которые он мог совершить в своей церковно-приходской деятельности от пастырской до хозяйственной.

Священнические жены должны были отличаться своим благочестием и приверженностью церковному приходу. Интересен один случай из жизни церковного прихода в Осе. В предсмертный час о. Федора Будрина супруга его на протяжении недели «говела и приготовилась уже к принятию

Св. Таин»¹⁰. Матушка по случаю ухудшения состояния мужа хотела отложить принятие Таин, но «покойный решительно настоял, чтобы она исполнила долг христианский»¹¹. Данный случай показывает, что принять причастие для жены священника было очень важно на виду у всего говееющего прихода, потому что накануне «рокового дня в пятницу (12 февраля) о. протоиерей сам совершал литургию преждеосвященных даров, принял на дух более 50 человек, исправил несколько чредных треб и кончил церковное богослужение повечерием»¹². Упомянутые 50 человек должны были приступить к Таинству причащения и супруга священника должна была быть среди них.

Важной особенностью существования индивида в составе духовного сословия была его зависимость от церковного прихода, что обуславливалось профессиональным характером служения в церкви мужской части данного сословия. Священники часто умирали не оставив ничего в наследство. Это могло накладывать свой отпечаток и на женскую часть духовного сословия. Митрополит Евлогий Георгиевский, например, вспоминал: «Мать моя, Серафима Александровна (жена священника Тульской епархии — Ю. Ж.), по природе своей была глубже отца, но болезненная, несколько нервная, она имела склонность к меланхолии, к подозрительности. Сказалась, быть может, и тяжелая ее жизнь до замужества: она была сирота, воспитывалась в семье строго дяди, который держал ее в черном теле»¹³. Большим несчастьем в повседневной жизни духовного сословия было сиротство, потому что сироты еще не могли встать у престола или помогать на приходе, что бы обеспечить свое содержание.

В Пермской епархии процент сиротства в духовном сословии был, по всей видимости, также довольно высок. В 1880 г. на страницах ПЕВ был размещен следующий материал: «Почти во всяком другом сословии, если умирают главы семейства, семья оплакивает его только как любимого человека: мужа, отца, брата, которого лишается навсегда. И скорбь эта естественная, присущая всему человечеству... Но здесь, т. е. у нас в духовенстве, к этой естественной скорби об утрате примешивается неизбежно другое, жгучее, подавляющее чувство: как жить, чем жить? Помогите! Не оставьте! А кто поможет? До пенсии у нас дослуживаются редкие, а попечительство — много ли оно может дать?»¹⁴. Сельским священникам, например, и в правду приходилось трудно, потому что служба их протекала среди грязи и нищеты, многие священники уходили достаточно рано.

В контексте вышесказанного возникает вопрос, какими способами могли преодолеваются в среде духовного сословия разного рода невзгоды и лишения: отступлением от веры или приверженностью вере? Митрополит Евлогий, например, повествует о том, что его мать, сельская матушка, потеряла четырех своих детей и его тоже слабого и болезненного «считала обреченным»¹⁵. Но чтобы спасти своего единственного ребенка она сделала следующее: «Как утопающий хватается за соломинку, так и она решила поехать со мною в Оптину Пустынь к старцу Амвросию, дабы с помощью его молитв вымолить мне жизнь»¹⁶. Иными словами, представители духовного сословия переживали все трудности и невзгоды свои через церковь, посредством сугубой церковно-приходской жизни.

Приверженность церковному приходу могла передаваться и через поколение. Так, по воспоминаниям митрополита Вениамина (Федченкова), его мать дьяконская дочь, бывшая замужем за дворовым, мечтала, что бы хоть кто-то из ее детей пошел по духовной линии. Митрополит вспоминал: «У матери в душе всегда была мечта: хоть одного бы мальчика сделать батюшкой «иметь молитвенника у престола Божия», сказалося в ней сословное происхождение»¹⁷. Мать будущего митрополита настойчиво добивалась священного сана для одного из своих сыновей. Владыка о времени своей учебы в уездном училище еще до его перевода в духовное вспоминал: «А за курение мы пострадали: одна знакомая донесла на нас родителям. На ближайшие каникулы... в масленицу мать поставила нас на колени перед иконами, пока все другие ели блины. Потом простила»¹⁸. Значит, женщины в духовном сословии играли важную роль по воспроизводству этого сословия. В их обязанности входило рожать и воспитывать будущих священников и епископов. Вполне возможно, что именно духовное сословие вместе с активными прихожанами церкви и представляло собой церковь. Вероятно, в этом и заключалась элитарность христианской культуры в новое время, когда уровень приверженности христианской культуре доходил до такой черты, что для индивидов открывалась возможность жить за счет этой культуры, получая материальное содержание от церковного прихода. В противном случае последнее считалось святотатством.

Особую категорию прихожан составляли священнические вдовы. Как повествуют источники, они определялись просфорнями. Так, по Постановлению Духовной консистории от 4/14 февраля

1882 г. священническая вдова Александра Васильевна Порошина была определена просфорней к Вереинской церкви Пермского уезда, Мария Матвеевна Аленковская к Мало-Сосновской церкви Оханского уезда «на место вдовой священнической жены Анны Пузыревой, которая» однако «по нетрезвости ея от занимаемой должности» была «отрешена»¹⁹. Видно, что священнические вдовы должны были еще и иметь на приходе положительный нравственный облик.

Не последнюю роль в приходе играли и жены дьяконов. Определением консистории 4/14 февраля 1882 г. была определена просфорней жена дьякона Мария Селимова к Пихтовской церкви, Оханского уезда. В случае, если должность просвирни была занята крестьянской или представительницей другого сословия, то эта должность всегда считалась свободной для лиц духовного звания.

Священническим вдовам назначались пособия и пенсии. Например, по определению Св. Синода от 12-16 октября 1881 года за № 1089 была положена пенсия вдове священника Параскеве Гайденовой за 35-летнюю службу мужа в размере 65 руб.²⁰ с 1 января 1882 г.

Назначались пенсии за 35-летнюю службу диаконам и их вдовам: В 1880 г. Определением Святейшего Синода От 25-го января — 18 февраля за № 217 «О Высочайшем соизволении на назначение с 1-го января 1880 г. пенсий диаконам и их семействам» устанавливались: «...За 35-летнюю епархиальную священнослужительскую службу пенсий — диаконам по 65 р. и вдовам таковых диаконов, имеющим детей малолетних или увечных — по 50 р., а бездетным по 40 р. в год»²¹.

В 1883 г. были назначены единовременные пособия вдовам священников: Анне Матвеевой, Анне Митюляевой, Александре Трониной, Антонине Коровиной, Марии Маминой, Павле Прибылевой, Марии Будриной, Антонине Наумовой по 70 руб.²². Вдовам дьяконов: Ольге Поповой, Евдокии Вышенской, Татьяне Кургановой, Александре Задориной, Сусанне Воскресенской по 50 руб.²³. Вдовам псаломщиков: Надежде Коровиной, Марфе Сельменской, Анне Сперанской по 30 руб.²⁴

В 1902 г. к правящему архиерею обратилась вдова ректора семинарии протоиерея Василия Лепешинского Людмила Лепешинская. 22 ноября 1902 г. она писала: «Имею честь всепокорнейше просить Вас Ваше Преосвященство ходатайствовать за меня в виду моего бедственного положения пред Его Высокопревосходительством Господином Обер-Прокурором Святейшаго Синода, которое имею честь покорнейше просить Ваше Преосвященство препроводить с Вашим Милостивейшим Ходатайством»²⁵. Родство с духовным сословием должно было прочно удерживать женщину в рамках церковно-приходской жизни не только по религиозно-этическим соображениям, но исходя и из необходимости получения материального обеспечения.

Жизнь и деятельность священнических вдов жестко контролировалась церковью. В 1888 г. было выдано удостоверение священнической вдове следующего содержания: «Вдова, священническая жена, Мария Алексеева Попова у исповеди и св. Таин причастия в училищной Кирило-Мефодиевской церкви была в св. Четырехдесятицу 1888 года...»²⁶. Удостоверение подписал священник Георгий Луканин. Еще раньше в 1885 г. ей был выдан Билет, в котором говорилось: «По указу Его Императорского Величества, дан сей билет из Пермской Духовной Консистории. За надлежащим подписом с приложением казенной печати, священнической вдове Марии Алексеевой Поповой, имеющей от роду двадцать четыре года, на безсрочное проживание в Пермской епархии с тем, чтобы она при перемещении из одного места в другое, предъявляла сей билет приходскому священнику, а по возможности и благочинному и чтобы приходской священник в случае смерти или недоброжелательного поведения донес епархиальному начальству»²⁷.

В числе активистов церковного прихода могли выступать миряне, вышедшие из духовного сословия или состоявшие на различных должностях в структуре Духовного ведомства (что в большинстве случаев было тождественно). Такие прихожане были близки к кругу священнослужителей и могли сами согласиться на принятие священного сана. 12 февраля 1884 г. в Пермской крестовой церкви был рукоположен в сан дьякона надзиратель Пермского духовного училища Павел Первушин, который до этого окончил курс семинарии, а 19 февраля Первушин «был рукоположен во священника к Одигитриевской церкви села Шерьбинского, Оханского уезда»²⁸. Мы можем предположить, что до принятия сана, находясь в должности надзирателя Первушин активно участвовал в жизни церкви, следил за посещением учащимися храма, а впоследствии сам встал у святого престола.

В 1882 г. были рукоположены «окончивший курс Пермской духовной семинарии, бывший учитель и законоучитель Чердынского начального училища Николай Аникиев преосвященнейшим Ефремом 23 сентября в Пермской крестовой церкви – во диакона, а 26 сентября в семинарской церкви – во священника к Троицкой церкви, Хромцевского села, Екатеринбургского уезда...»²⁹. Епископ Ефрем в 1885 г. рукоположил окончившего курс в Пермской духовной семинарии, учителя Юмского народного училища Александра Поносова «26 февраля в крестовой церкви – во диакона, а 2-го марта в кафедральном соборе – во священника к Свято-Троицкой церкви, Пожевского завода, Соликамского уезда, на вакансию помощника настоятеля»³⁰. Выпускники семинарии часто происходили из духовных семей, и после работы в народном училище они могли принять на себя священный сан. Народные учителя также часто принимали на себя руководство церковными хорами или исполняли различные обязанности в церковном приходе.

Категорию активных членов церковно-приходского социума должны были составлять учащиеся духовных школ, прежде всего, семинаристы. Так, в «Правилах, определяющих образ жизни воспитанников Пермской духовной семинарии» говорилось: «В дни воскресные и праздничные все ученики должны неопустительно присутствовать при богослужении всенощном или утреннем и литургии в домовой семинарской церкви»³¹. В случае, если ученики семинарии проживали на квартире, то должны были посещать церковь рядом с местом своего жительства с разрешения инспектора. Во время богослужения семинаристы по очереди должны были помогать духовенству в алтаре или «по выбору и назначению начальства» участвовать «в чтении и пении на клиросе»³².

Учащиеся семинарии часто становились активными членами церковного прихода только лишь в идеале. В 1884 г. в Святейшем Синоде «имели суждение о мерах к возвышению религиозно-нравственного воспитания в православных духовно-учебных заведениях»³³. В одном из документов Духовной консистории читаем: «Из отчетов о ревизиях духовно-учебных усматривается, что как в Семинариях, так и в духовных училищах замечается во многих случаях слабое знакомство учащихся с церковным уставом, с молитвами и песнопениями, и даже с церковно-славянским языком, ...встречаются и случаи уклонения учащихся от Богослужения или благоговейного стояния при оном»³⁴. На основании всего было приказано, что бы они «помогали отцам своим в исполнении обязанностей церковно-служения чрез прислуживание в алтаре и клиросное чтение и пение»³⁵.

Революционные события начала XX в. вскрыли многие недостатки духовных школ. Вениамин Федченков, например, вспоминал о существовании тайных революционных обществ в семинарии в конце XIX в. А. К. Воронский рассказывал о поведении семинаристов в Тамбовской семинарии во время революции 1905-1907 гг.: «...Били стекла, срывали с петель двери, вышибали переплеты в оконных рамах, разворачивали парты, беспорядочно летели камни...Рев, гам, свист, улюлюканье, выкрики ругательств, сквернословие» [Леонтьева, 2001, с. 30]. В письмах будущего патриарха Алексия (Симанского) была найдена характеристика на участника революционных событий начала 1917 г. прапорщика Устьянского: «...Я его помню по семинарии, тупой, с хулиганскими наклонностями»³⁶. Такого рода людей семинарские педагоги должны были водить в церковь и на духовные чтения.

Среди выпускников и учащихся семинарии, несмотря на падение престижа духовной службы в конце XIX — начале XX в., были люди, готовые принять священный сан и вступить на путь церковного служения. В 1885 г. был рукоположен: «...Студент Пермской духовной семинарии Василий Семенов Преосвященнейшим епископом Ефремом в крестовой церкви Пермского архиерейского дома 8-го февраля – во диакона, а 10-го числа того же месяца в Пермском кафедральном соборе – во священника к церкви Голубковского села, Ирбитского уезда, на вакансию настоятеля...»³⁷. В том же 1885 г. был рукоположен, «окончивший курс в Пермской духовной семинарии Михаил Добротворский 16 апреля в Благовещенской церкви Пермской мужской классической гимназии – во диакона, а 17 апреля в Пермском кафедральном соборе – во священника к Свято-Троицкой церкви, Лысьвенского завода, Пермского уезда...»³⁸. В начале XX в. практика посвящения в сан студентов и выпускников семинарии продолжалась, как и в предшествовавшие периоды и к какому бы сословию не принадлежали студенты семинарии в рассматриваемый нами период они обучались еще в сословном учебном заведении, принадлежа или готовясь поступить в духовное звание.

Лица, имевшие отношение к духовному сословию могли испытывать чувство ответственности за церковь больше, чем обычные миряне. Примером тому может служить жизнь местоблности-

теля патриарха Тихона митрополита Петра Крутицкого, который родился в 1862 г. в семье священника Коротоянского уезда, Воронежской губернии. В 1892 г. будущий митрополит окончил Московскую духовную академию. С 1906 г. он служил в Учебном комитете при Святейшем Синоде ревизором духовных учебных заведений. В 1920 г. патриарх Тихон после мученической кончины многих иерархов церкви предложил ему принять монашество и архиерейский сан. Иеромонах Дамаскин Орловский считает: «Не почет и комфорт сулило в то время архиерейство, а многие страдания, а часто и мученическую кончину» [*Дамаскин Орловский (Иеромонах)*, 1996, с. 342]. Считается, что на предложение принять сан митрополит Петр ответил: «Я не могу отказаться. Если я откажусь, то я буду предателем Церкви, но когда соглашусь — я знаю, я подпишу тем самым смертный приговор» [Цит. по: Там же, С. 346]. После многих лет тюрьмы митрополит Петр Полянский был расстрелян 2 октября 1937 г.

Епископ Кинешемский Василий (в миру Вениамин Сергеевич Преображенский) родился в 1976 г. в семье священника г. Кинешмы Костромской губернии. В 1901 г. окончил Киевскую Духовную академию. Преподавал в воронежской духовной семинарии. В 1910-1911 гг. жил в Лондоне. С 1914 г. преподавал латинский язык в Петровской гимназии в Москве. Однажды, будучи в гостях у родителей, он плыл в лодке по Волге и лодка перевернулась. Вениамин взмолился «прося Господа сохранить ему жизнь, обещая посвятить себя служению православной церкви» [Там же, С. 206], и был спасен. Священный сан Вениамин принял в 1920 г. А в 1921 г. после пострижения в монашество с именем Василий он был рукоположен в сан епископа Кинешемского. После долгих лет заключения и ссылки епископ Василий умер в 1945 г.

В составе духовного сословия было много родственников духовенства. Духовенство было обременено многочисленными семействами. Так, 21 января 1902 г. к преосвященнейшему Петру с «Покорнейшим прошением» обратился смотритель Пермского епархиального свечного завода священник Сергей Проскураков, в котором говорилось: «Имею честь покорнейше просить Ваше Преосвященство, не соблаговолите ли Вы перевести меня на свободную священническую вакансию к Успенской церкви города Чердыни. Утруждать Ваше преосвященство просьбой о переводе заставляет меня многочисленная семья, из числа которой два брата и две сестры обучаются на мои средства. Между тем получаемых мною шестисот рублей за отделением 100-150 рублей за право учения, книги, одежду и пособия, слишком недостаточно для содержания девяти человек»³⁹. В «Покорнейшем прошении» от 18 декабря 1901 г. священник Рождество-Богородицкой церкви села Беляевского, Оханского уезда Николай Удинцев просил: «В надлежащем будущем мне предстоит необходимость давать образование детям, каковых у меня шесть человек, а живя в губернском городе, давать образование детям далеко легче, чем в селе, а потому, я осмеливаюсь покорнейше просить Ваше Преосвященство перевести меня на праздную диаконскую вакантную должность Новокладбищенской церкви г. Перми»⁴⁰. Во втором случае видно, что священники соглашались даже на дьяконскую вакансию с целью дать образование своим детям в губернском городе.

В виду более высокого воспитания в семьях духовенства по сравнению с представителями других сословий первые часто ощущали свое интеллектуальное превосходство над последними. Так, 28 августа 1902 г. на имя земского начальника 4 участка Оханского уезда поступила объяснительная священнической дочери, учительницы Бабкинского училища, Любови Белозерской, в которой она собственноручно написала слова обращения к Бабкинскому волостному старшине Санникову, произнесенные ею в ходе столкновения из-за земской квартиры. В беседе с волостным старшиной Белозерская сказала, что «он глуп как пробка и не мешало бы ему (старшине) самому поучиться в Бабкинской школе для пополнения своего рассудка»⁴¹.

Священнических детей старались поддерживать материально. Например, с начала открытия Пятунинской церковно-приходской школы, в 1885-1886 гг. дело обучения в школе взяла на себя свояченица священника Черновского села, Оханского уезда Евгения Старицина священническая дочь Анна Георгиевна Наумова, которая окончила курс в Кунгурском четырехклассном училище при женском Кунгурском монастыре. За время ее службы в школе в должности учительницы священник Старицин уплачивал ей жалование в 8, 10 и даже 12 рублей в месяц⁴². Причем последние деньги она получала даже за неучебные месяцы (не считая других статей вознаграждений учительнице), что вызвало недовольство Пермского епархиального училищного совета. Но исходя из того, что часть этих средств были получены от организованной священником продажи хлеба в часовне, Училищный совет постановил взыскать только некоторую часть из жалования Старицина на по-

крытие расходов, за то что тот расходовал «деньги неосторожно и небрежно»⁴³.

В 1886 г. в Пятунинскую школу на учительскую должность поступила дьяконская дочь Елизавета Спасская, которая в своем прошении писала: «...Мать моя больная, проживает в Черновском селе, содержать ее кроме меня некому»⁴⁴. Жалование Спасской было назначено в размере 8 рублей⁴⁵ за каждый учебный месяц.

Представители духовного сословия за оказываемую им материальную помощь со стороны церковных приходов должны были неукоснительно присутствовать в церкви. Это было нормой для лиц духовных. То же самое касалось и дочерей духовенства. Так, например, после устройства нового здания Пермского епархиального женского училища встал вопрос о домово́й церкви. Первоначально воспитанницы «ходили в Петро-Павловский собор, храм приходской, где они, как не приносящие никакого дохода, были совсем нежеланными посетителями»⁴⁶. Наставница Епархиального женского училища Л. Первушина писала: «Неужели у духовенства не найдется 1500 рублей на устройство столь необходимой церкви в училище, в котором воспитываются их же дети...»⁴⁷. Забота о посещении церкви со стороны воспитанниц училища было важным делом для духовенства, так как эти же самые воспитанницы в будущем должны были стать церковно-приходскими специалистами.

В 1888 г. Пермская духовная консистория призвала священнические семьи и сирот духовного звания к исполнению христианских обязанностей в следующей форме: «...Чтобы они как лица духовного звания отнюдь не уклонялись от исполнения христианского долга исповеди и св. причащения, и чтобы своим ежегодным исполнением сей священной обязанности не только во св. четьредесятницу, но по возможности и в прочие посты года служили примером для целого прихода»⁴⁸.

Итак, исследования показали, что духовенство было связано родственными связями со многими представителями своего сословия. Священнослужители были обязаны службой на церковном приходе, что давало им право получать материальное содержание из средств церкви. В повседневной жизни церковного прихода это право распространялось и на родственников духовенства, которые могли наследовать духовную профессию отцов или быть привлечены в качестве церковно-приходских специалистов. При занятии церковных должностей преимущество отдавалось родственникам духовенства. Категория «духовных» рассматривалась как религиозно-нравственная ценность, поддерживалась церковью, материально, контролировалась со стороны церковных институтов, возвращалась морально внутри церкви. Поэтому в конце XIX — начале XX в. идея о сохранении категории «духовных» в церковных кругах была достаточно актуальна, что в повседневной жизни церковного прихода выражалось в особой заботе духовенства о сохранении и защите данной категории активных прихожан церкви. Все это было связано с тем, что профессиональный характер церковное служение принимало посредством сохранения ключевых мест в них за представителями духовного сословия как в богослужебной, так и по духовно-просветительской части.

Примечания

¹ Иоанн Златоуст. Слово о священстве. URL: <http://simvol-veri.ru/xp/ioann-zlatoust.-o-svyashenstve.html> (дата обращения: 4.12.2012)].

² Отчет о состоянии Усольской школы / ГАПК. Ф. 147. Оп. 1. Д. 53. Л. 1.

³ Там же.

⁴ Из жизни сельских матушек // ПЕВ. 1900. 16 мая (№ 10). Отд. неофиц. С. 232-235. С. 232.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Думы и воспоминания священника // ПЕВ. 1884. 26 сентября (№ 39). Отд. неофиц. С. 533-541. С. 538.

⁸ Там же, С. 38.

⁹ Там же.

¹⁰ Ярушин П. (Протоиерей). Настоятель Осинского Успенского собора протоиерей Федор Афанасьевич Будрин // ПЕВ. 1882. Отд. неофиц. 7-го апреля (№ 13-14). С. 146-153. С. 147.

¹¹ Там же.

¹² Там же, С. 146.

¹³ Евлогий Георгиевский (Митрополит). Путь моей жизни: Воспоминания. - М.: Московский рабочий; ВПМД, 1994. - 621 с. - С. 14.

¹⁴ Корреспонденция из благочиния // ПЕВ. 1880. № 12. Отд. неофиц. С. 134.

- ¹⁵ Евлогий Георгиевский (Митрополит). Указ соч. С. 14.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Вениамин Федченков (митрополит) На рубеже двух эпох. М. Отчий дом, 1994. С. 447. С. 77.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Постановления Пермской духовной консистории / ПЕВ. 1882. 7 апреля (№ 13-14). Отд. офиц. С. 184-187 С. 187.
- ²⁰ Пенсии и единовременные пособия // ПЕВ. 1883. 9 марта (№ 10). Отд. офиц. С. 111-112. С. 111.
- ²¹ ПЕВ. 1880. 26 марта (№ 13). Отд. офиц. С. 95-96.
- ²² Пенсии и единовременны пособия // ПЕВ. 1883. 9 марта (№ 10). Отд. офиц. С. 111-112. С. 111.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Прошения и рапорты священнослужителей епископу Пермскому и Соликамскому о назначениях и перемещениях... / ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 394. Л. 41-41 об.
- ²⁶ Указы Пермской духовной консистории в правление архиерейского дома... / ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 373. Л. 31.
- ²⁷ Там же, л. 32.
- ²⁸ Епархиальные известия // ПЕВ. 1884. 18 апреля (№№ 15-16). Отд. офиц. С. 199-202. С. 200.
- ²⁹ Епархиальные известия // ПЕВ. 1884. 28 ноября (№ 48). Отд. офиц. С. 650-654. С. 650.
- ³⁰ Епархиальные известия // ПЕВ. 1885. 12 июня (№ 24). Отд. офиц. С. 251-254. С. 252.
- ³¹ ПЕВ. 1882. 14 июля (№ 28). Отд. неофиц. С. 412.
- ³² Там же.
- ³³ Указы Синода из Пермской духовной консистории, предписания консистории / ГАПК. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1. Л. 70.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Письма патриарха Алексия своему духовнику. - М.: Издательство Сретенского монастыря, 2000. - 304 с. - С. 20.
- ³⁷ Епархиальные известия // ПЕВ. 1885. 3 апреля (№ 14). Отд. офиц. С. 122-124. С. 124.
- ³⁸ Епархиальные известия // ПЕВ. 1885. 12 июня (№ 24). Отд. офиц. С. 251-254. С. 252.
- ³⁹ Прошения и рапорты священнослужителей епископу Пермскому и Соликамскому о назначениях и перемещениях... / ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 394. Л. 26.
- ⁴⁰ Там же, Л. 34.
- ⁴¹ Дело по обвинению дочери священника Л. В. Белозерской в оскорблении волостного старшины / ГАПК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2474. Л. 3.
- ⁴² Дело Пермского епархиального училищного совета об открытии церковно-приходской школы в д. Пятуниной, Черновского прихода, Оханского уезда / ГАПК. Ф. 147. Оп. 1. Д. 72. Л. 11.
- ⁴³ Там же, Л. 20.
- ⁴⁴ Там же, Л. 8.
- ⁴⁵ Там же, Л. 20.
- ⁴⁶ Первушина Л. По поводу необходимости устройства церкви в Пермском Епархиальном женском училище // ПЕВ. - 1894. - 16 апреля-1 мая (№ 8-9). - Отд. неофиц. - С. 146-151. С. 148.
- ⁴⁷ Там же, С. 151.
- ⁴⁸ Об открытии школы в деревне Пятунинской Оханского уезда / ГАПК. Ф. 147. Оп. 1. Д. 72. Л. 6 об.

Библиографический список

- Беллюстин И. С.* Описание сельского духовенства. Лейпциг, 1958 / Проповедь всемирного покаяния. Церковь Иоанна богослова. - URL: <http://www.omolenko.com/publicistic/belustin.htm>. (дата обращения: 07.04.2013).
- Буганов А. В.* Духовная книжность и письменность русских крестьян XIX в. Православная жизнь русских крестьян XIX-XX вв.: итоги этнографических исследований / Российская академия наук. Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклай. - М.: Наука, 2001. - 363 с.
- Грекулов Е. Ф.* Церковь, самодержавие, народ (2-я половина XIX — начало XX в.) / Е. Ф. Грекулов; АН СССР. - М.: Наука, 1969. - 184 с.
- Дамаскин Орловский (Иеромонах).* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия: в 2 кн.: кн. 2 / Дамаскин Орловский. - Тверь: Издательство «Булат», 1996. - 527 с.
- Знаменский П. В.* Приходское духовенство на Руси. Приходское духовенство в России со времен реформы Петра. - Спб.: Издательский дом «Коло», 2003. - 800 с.

- Иоанн Златоуст.* Слово о священстве [электронный ресурс]. On-line. URL: <http://simvol-veri.ru/xp/ioann-zlatoust.-o-svyashenstve.html> (дата обращения: 4.12.2012).
- Зырянов П. Н.* Православная церковь в борьбе с революцией 1905-1907 гг. / П.Н.Зырянов ; отв. ред. д. ист. н. А.И. Клибанов. - М. : Наука, 1984. - 224 с.
- Леонтьева Т. Г.* Вера и бунт: духовенство в революционном обществе России начала XX века // Вопросы истории. - 2001. - № 1. - С. 29-42.
- Колесникова В. Л.* Женщина духовного сословия второй половины XIX-начала XX столетия: исторический портрет: на примере Курской и Тамбовской губерний: автореферат дис. кандидата исторических наук: 07.00.02. Место защиты: Воронеж. гос. пед. ун-т. – Воронеж, 2007.
- Кузнецов С. В.* Православный приход в России XIX в. / Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII – XX веках: Этнографические исследования и материалы. - М.: Наука, 2002. - 469 с.
- Мелехова Г. Н.* Духовенство и его роль в жизни населения Каргополья (XIX — первая треть XX в.) / Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII – XX веках: Этнографические исследования и материалы. - М.: Наука, 2002. - 469 с.
- Миронов, Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII - начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2-х т. / Б. Н. Миронов. - СПб. : Дмитрий Буланин, 2003 - Т. 1. - 2003. - XL, 548 с.
- Никольский Н. М.* История Русской церкви / «Скепсис», научно-просветительский журнал. - URL: http://scepsis.net/library/id_1716.html (дата обращения 07. 04. 2013)
- Ростиславов Д. И.* О православном белом и черном духовенстве в России: в 2 т. / Д. И. Ростиславов; ред. А. И. Цепков. - М.: Наука, 2011. - 736 с.

Дата поступления рукописи в редакцию 14.03.2013

THE CATEGORY OF CLERGYMEN IN RUSSIAN PARISH SYSTEM IN THE LATE XIX - EARLY XX CENTURIES

Yu. A. Zharkov

Perm State National Research University, Bukireva str., 15, 614990, Perm, Russia
etiqlhistory@bmail.ru

The article deals with the history of clergymen in the second half of the XIX century which was marked by the processes of social disintegration connected with the Great reforms and the abolition of serfdom. During the investigated period the church service became less prestigious than earlier. Many representatives of the clergy started to choose secular professions. Relatives of clergy wives, sisters, brothers, children of the priests may also be attributed to the social group of clergy. In the second half of the XIX century the clerical rank for many of them ceased to be obligatory. According to the logic of their existence in the conditions of ongoing Russian modernization they must have dissolved among other inhabitants. Some of them could transfer to other classes or join the ranks of declassed elements. But Russian parishes' everyday life of the late XIX - early XX centuries shows that the clergy got special support and assistance from the Church structures. They could become parish specialists and provide different services of the Church. In accordance with the parish ethics the clergy and their relatives should be present at the services. All of that become the key to their privileged existence in the parish and in some cases promoted the transformation of the category of clergy to the class of parish specialists, the first of the laity of the Church. The paper proves that the category of clergy has been transformed from the estate to the professional class.

Key words: the Church, the parish, the clergy, relatives of the clergy, seminarians, children of the clergy.

References

- Bellyustin I. S.* Opisanie sel'skogo dukhovenstva. Leyptsig, 1958 / Propoved' vsemirnogo pokayaniya. Tserkov' Ioanna bogoslova. - URL: <http://www.omolenko.com/publicistic/belustin.htm>. (data obrashcheniya: 07.04.2013).
- Buganov A. V.* Dukhovnaya knizhnost' i pis'mennost' russkikh krest'yan XIX v. Pravoslavnaya zhizn' russkikh krest'yan XIX-XX vv.: itogi etnograficheskikh issledovaniy / Rossiyskaya akademiya nauk. Institut etnologii i antropologii im. N. N. Miklukho-Maklay. - M.: Nauka, 2001. - 363 s.
- Grekulov E. F.* Tserkov', samodержavie, narod (2-ya polovina XIX — nachalo XX v.) / E. F. Grekulov; AN SSSR. - M.: Nauka, 1969. - 184 s.
- Damaskin Orlovskiy (Ieromonakh).* Mucheniki, ispovedniki i podvizhniki blagochestiya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi XX stoletiya: v 2 kn.: kn. 2 / Damaskin Orlovskiy. - Tver': Izdatel'stvo «Bulat», 1996. - 527 s.
- Znamenskiy P. V.* Prikhodskoe dukhovenstvo na Rusi. Prikhodskoe dukhovenstvo v Rossii so vremen reformy Petra. - Spb.: Izdatel'skiy dom «Kolo», 2003. - 800 s.
- Ioann Zlatoust.* Slovo o svyashchenstve [elektronnyy resurs]. On-line. URL: <http://simvol-veri.ru/xp/ioann-zlatoust.-o-svyashchenstve.html>

zlatoust.-o-svyashenstve.html (data obrashcheniya: 4.12.2012).

Zyryanov P. N. Pravoslavnaya tserkov' v bor'be s revolyutsiyey 1905-1907 gg. / P.N.Zyryanov ; otv. red. d. ist. n. A.I. Klibanov. - M. : Nauka, 1984. - 224 s.

Leont'eva T. G. Vera i bunt: dukhovenstvo v revolyutsionnom obshchestve Rossii nachala XX veka // Voprosy istorii. - 2001. - № 1. - S. 29-42.

Kolesnikova V. L. Zhenshchina dukhovnogo sosloviya vtoroy poloviny XIX-nachala XX stoletiya: istoricheskiy portret: na primere Kurskoy i Tambovskoy guberniy: avtoreferat dis. kandidata istoricheskikh nauk: 07.00.02. Mesto zashchity: Voronezh. gos. ped. un-t. – Voronezh, 2007.

Kuznetsov S. V. Pravoslavnyy prikhod v Rossii XIX v. / Pravoslavnaya vera i traditsii blagochestiya u russkikh v XVIII – XX vekakh: Etnograficheskie issledovaniya i materialy. - M.: Nauka, 2002. - 469 s.

Melekhova G. N. Dukhovenstvo i ego rol' v zhizni naseleniya Kargopol'ya (XIX — pervaya tret' XX v.) / Pravoslavnaya vera i traditsii blagochestiya u russkikh v XVIII – XX vekakh: Etnograficheskie issledovaniya i materialy. - M.: Nauka, 2002. - 469 s.

Mironov B. N. Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII - nachalo XX v.): genezis lichnosti, demokraticheskoy sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva: V 2-kh t. / B. N. Mironov. - SPb. : Dmitriy Bulanin, 2003 - T. 1. - 2003. - XL, 548 s.

Nicol'skiy N. M. Istoriya Russkoy tserkvi / «Skepsis», nauchno-prosvetitel'skiy zhurnal. - URL: http://scepis.net/library/id_1716.html (data obrashcheniya 07. 04. 2013)

Rostislavov D. I. O pravoslavnom belom i chernom dukhovenstve v Rossii: v 2 t. / D. I. Rostislavov; red. A. I. Tsepkov. - M.: Nauka, 2011. - 736 s.